

Наталья
Филатова

Искушение

18+

Наталья Филатова

Искушение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69797098

SelfPub; 2023

Аннотация

Ночь – время раздумий... Жизнь – бегство от одиночества в поиске любви. Мир исчезает в лунном магическом свете, разделяющем реальности. Сможешь решиться выбрать судьбу? Сбежать от смерти и найти себя.

Наталья Филатова

Искушение

– Мир скучен, люди предсказуемы, – змей свернулся в клубок, рассматривая меня. Вселенская тоска застыла в его глазах. Почудилось, что кончиком хвоста смахнул слезу.

– Говори! Зачем пришла? Красота, деньги, вечная жизнь? Что надо? – змей преобразился. Величественно приподнялся, неторопливо поднял голову, впился в меня взглядом

– Радости, – я невольно проглотила его настроение и выдала первое, что пришло в голову, – мне просто скучно, бес.

Закрыла глаза, чтобы не видеть гневного взгляда, не видеть бесконечной мглы, липким туманом кружащейся вокруг. Судорожная волна промчалась по телу. Выворачивало от безысходности, разлитой в пугающем пространстве. Тошнило от страха, что не помню, как очутилась здесь. И вообще! Я устала от своей жизни, от вечного бремени чужих эмоций. И сопротивляться – не хватает сил.

"Дан дар", – подшучивала надо мной подруга, мечтая о том, какие бы гребла "деньжищи", имея мои способности. Открывать людям то, что они чувствуют на самом деле, то, что прячут от самих себя. Пророчить будущее, вводить в искушение – на этом многие хорошо зарабатывают. Страх дорого стоит.

Я видела в своем таланте – скорее проклятие, чем при-

вилегию. Природа милосердна. Забирает одно, взамен дает другое. Слепые лучше слышат, осязание заменяет им зрение. Что уравнивается мой дар? Мне не верится, что он – благо, скорее – испытание.

Я невыносимо страдаю от потока негативной энергии, выбрасываемой людьми. Могу случайно подцепить эмоции злости в магазине от уставшей кассирши, от раздраженного прохожего на улице. Энергетические вампиры – реальность нашего мира, но они не просто подпитываются чужой энергией – они ее вымораживают. Это намного страшнее. Вместе с холодом приходит тьма отчаяния. И смерть начинает казаться избавлением.

"Эмпат" – даже само слово звучит, как приговор. Чувствовать, как свои эмоции другого человека, даже просто общась с ним в виртуальном пространстве. Видеть боль и страх за напускной радостью, ненависть за радушием – какая психика выдержит это? Самое неприятное, что люди бешутся, когда видят свое отражение в моих глазах. Даже сейчас, вместо своего желания сказала о чувствах этого пресмыкающегося. Интересно, кто он такой?

– Скучно им! Мне тоже не до смеха, особенно когда принимают за низшее создание. Бес! Вот глупая! Это не ко мне, я – связь между мирами. Что хочешь ты? – змей явно разозлился.

– Я хочу любви! – отчаяние избавило от сомнений, – хочу своего Сокола, своего ненаглядного!

Выкрикнула и испугалась. Змей – связь между мирами? Значит я того... все? Господи, я иногда думала о смерти, как о пути избавления от страданий, но не так же сразу. Совсем не готова! Без предупреждения. Тем более, во мне еще жила надежда о встрече с любимым.

– Глупые девчонки! Тупые куклы! Думаете, голое раскрашенное тело может соблазнить? Тряпки, которыми мужчины вытирают член, салфетки для семени. Физический оргазм мужчины слишком быстр. Он уходит, не оглядываясь. Душа! Вот, что ценно. Цепляя душу, ты испытываешь вечный кайф от возможности повелевать. – Змей зашипел, сучиваясь в кольцо, – А ты? Имеешь такие способности и отказываешься от них. Пытаешься избавиться от предназначения! И во имя чего? Выдуманная любовь – что может быть отвратительнее? Знал бы, не выпускал вас из рая. Сидели бы там, мозг делали своему создателю. А теперь, возись с вами.

Злость – копьем вонзалась в меня, волны боли разбежались по телу. Но не это сейчас меня беспокоило, в откровениях змея проскальзывали знакомые нотки. Они напрягали. Я уже слышала эти слова. В затылке притаился холод, спускаясь на плечи недоверием.

– Мужчины! Ищут борьбы и трудностей. Нравиться им сражаться, манит победа. Прельщают разные образы: то мечта о Прекрасной даме, то наваждение о страстной ведьме. Надеются увлечь и испытать небывалый вселенский оргазм. Но это все равно, что удовлетворять похоть и жажду обла-

дания с мёртвым деревом в лесу, ожидая его превращения в прекрасную нимфу. Глупые людишки! Ищут, ждут несбыточного, а не хотят увидеть очевидного, – огненный язык яростно мерцал среди тьмы клыков змея.

Моя голова раскалывалась от возникающих видений. Мелькание теней и запретных воспоминаний усиливало тошноту. У каждого есть то, что он хочет забыть.

– Даже горбатая и хромая может стать желанней всех красоток. Есть одна тайна. Наклонись, скажу, – глаза змея подёрнулись мутной поволокой. Не голос – свист, впился в мои барабанные перепонки. Склизкая холодная кожа потекла по моему телу, карябая острыми чешуйками. Отвращение и любопытство сражались в рассудке. Я почувствовала болезненный укол в висок.

Очнулась на кровати в своей комнате. Бледный круг света от ночника на тумбочке успокоил возвращением в обыденную реальность. "Это всего лишь кошмар, перенервничала вчера, дожидаясь своего Сокола, – убеждала себя, – вечно он со своими делами: то приеду, то не получается. А я измучилась от сомнений, придумываю невероятное".

Любимый лежит рядом, похрапывает, раскинув руки. Прижалась к ненаглядному, и мелкий озноб исчез, растворился в радости. Положила голову на грудь желанного, прислушиваясь к его сердцебиению. Сладко! Лежать бы так, наслаждаясь – век. Забыть обо всем. Мое сердце стучало, вырываясь на свободу, чтобы оповестить весь мир о счастье.

"Сокол ясный, долгожданный", – горит мое желание. Прикоснулась влажным от томления бедром, вдохнула запах любимого мужчины. Он почувствовал мое прикосновение, сжал в объятиях. Шепчет спросонья ласковые слова. Звук его голоса – улада моего томления. Настаивает: "Хочу тебя". Предчувствие наполняет тело. Милый целует, разворачивает. Выгнулась я ему навстречу. Дыхание, ритм – соединяет нас в одно целое. Слепит поволока наслаждения.

"Твоя, только твоя, навсегда", – подчиняется разум движениям плоти. Жарко от прикосновений, сладость подступает к чреслам, готовая вырваться наружу и утопить в неге.

В порыве страсти – царапнуло чем-то по ложбинке, убегающей вниз. Капелька крови в полумраке – рубин страсти. Желанный припал губами, лизнул шершавым языком. Показалось, что хочет дотянуться до моего сердца. Чтобы оно, горящее от возбуждения, взорвалось от холодной липкой влажности его языка. Присосался, причмокивает, как младенец. "Что это?!" – ужас сковал меня, разорвал болью. Стон. Дикий протяжный вой. Окружившая тьма, монотонно чавкая, всасывает меня.

"Нет! Не хочу так!" – всполохнуло внутри, вытолкнуло из подсознания заветные слова о помощи Великой матери. Молю о милосердии и прощении. Открылось нежное сияние, призывая воспоминания. Светлые, радостные. Доченька родимая, светятся рыжие волосы, как золотой нимб. Темное октябрьское небо расступилось, открывает дорогу солн-

цу. Бежит дочурка мне навстречу, смешно семеня ножками: "Мама, вернись". Голос ее вырвал из тьмы забвения.

Неведомая сила выбросила в другую реальность. Стою посреди избушки, всхлипывая, трясясь от испуга. Что происходит?

Сквозь пелену слез проступают бревенчатые стены, увешанные пучками разнотравья. В углу – беленая печь разинула горнило. Пляшут по горнице огненные всполохи от догорающих поленьев. У едва различимого слюдяного оконца застыла тень. Тихий вздох отделил ее от стены, приблизил – превратил в старушку. Голова подвязана платком, сверху кика рогатая. Лен рубахи спрятан за расшитым сарафаном. Угрюма, а глаза добрые, ласковые. Светятся, как васильки в золоте пшеничного поля.

– Не девка, не молодка, а все о любви – мечта, – хмурится старушка, – знаешь, кого своей тоской призвала? Огненного змея! Выест он всю тебя изнутри, да вселит нежить ледяную. Будет тогда горе.

– Все равно, все равно мне, – отчаяние разжигает злость, – нет моченьки, нет сил моих! Печет, жжёт все внутри. Нет давно меня, заблудилась в безвремени. Хоть раз! Ещё раз увидеть его ненаглядного.

– Вот, дурища, – сплонула бабка через плечо, – говорю – морок тебя ест. Не человек, не милый твой. Обман. Тать ночной – любака – змеище, искуситель. Приходит к тем, кто в тоске о любимом мается.

– Почему? Почему именно я, – простонала, смотря в потолок, надеясь, что услышат намного выше.

– Твой дар для любачи, как изысканное лакомство. Ведь он сам пробирается в сознание, смущает искушением, потому что умеет мысли узнавать и желания угадывать. Твоя энергия – для него лучшая подпитка, – старушка накинула на меня пуховый платок. Тепло шерсти, а может – любовь, которую вплела в плат мастерица, согрели меня. Зрение немного прояснилось, я разглядела широкую деревянную лавку и без спроса рухнула на нее.

– Жаль мне тебя, – старушка поджала губы, сомневаясь в правильности своего решения, – Помогу, но помни! Нельзя оглядываться назад. Съест тебя твое прошлое! Утонешь в трясине безвременья. Поняла?

Что я могла понять? В тело вселилась лихорадка. Жгло от воспоминаний и силы адского прикосновения. В тумане, опадающем на пол запахом скисшего молока, слышалось причмокивание любачи, тянущего мою кровь. Челюсти от страха сжала – не разжать. Прикусила язык. Соленая отравка кровавого дурмана застыла во рту. Словно кляп воткнули в рот. Хотела кричать, но не было сил избавиться от морока.

Старушка засуетилась, принесла из-за печи склянки, свечи, сборы трав. Задумчиво, с укором посмотрела на меня, словно взвешивая и прикидывая дозу отвара или помощи. Не доложить – не дать силы к борьбе, но и избыток может навредить. Вылила в миску пахучую жидкость, поднесла к

моим губам.

– Пей, детка, – от ее слов потекли у меня слезы, но рот не открывался. Словно и не было его.

Насупившись, старушка достала острый нож, полоснула по моему лицу, влила отвар в кровавую рану. Тягучая смесь проникла внутрь. Аромат мяты и неведомых трав перебил запах крови. Немного полегчало.

– А мужик, что с него взять? Все крови да потехи надоть. Бабе хватает и той крови, что из неё льётся, вымывая не рождённое каждый месяц. Может, поэтому её ярость, выливаясь наружу, исчезает. А мужик пока своей кровью землю не польет, не успокоится. Жмёт его огонь изнутри, гордыня и похоть. Кто сказал, что любовь завоевывают? Её взрастить надо, из самого сердца. Чтоб к солнцу и небу на крыльях лететь, песнею ликовать. А страсть – погибель для души... и всего. Не земной огонь, адский, – старушка говорила сама с собой, как старые люди по привычке. Только каждое слово, звук ее голоса вводит меня в транс: то поднимает вверх к небу, то сбрасывает вниз. Я вспомнила, как любила в детстве качаться на качелях. Радовало ощущение полета, и неважно, в какую сторону.

– У бабы своя битва, каждый месяц сама с собой сражается в надежде зачать новую жизнь. Ох, понимаю тебя девонька. Была и у меня любовь. Все ждала, печалилась. А он выбрал жизнь вольную. Потехи боевые дороже моих объятий оказались, – вздохнула старушка.

– Но он – защитником был? – мне не столько хотелось услышать ответ, сколько понять: могу ли говорить, или это думы мои рвутся наружу.

– Так-то оно, так. Ну, а я? Истомилась, сторела в своем пламени. Спасли. Нашла я в себе силы, не отреклась от света. Теперь таким же помогаю. Но и змей тот, сначала, был хранитель очага. Добро не добро, но и зла от него люди не видели. Не все находят силу бороться с искушением. Зло, может быть, сначала тихим, неприметным, не распознаваемым. Но призывает на подмогу гордыню или тщеславие. Просыпается тогда тьма, жажда лютая. Вот и превращается змей незнамо во что. Потерпи. Ты вовремя вспомнила о своей женской силе, о детках. Иначе не справишься тебе с мороком, – старушка все доставала откуда-то травы, готовилась к новому обряду.

– Как звать тебя, бабушка? Кого благодарить за помощь? – я знала, что не все готовы открыть настоящее имя, дающее власть над чужою судьбой, но решилась спросить.

– Не вспомнить мне свое настоящее имя, слишком много воды утекло, прошлое покрылось травой забвения. Спасла меня тогда Ягиня. Теперь люди зовут ее именем. За помощью приходят. А ведь помочь можно только тому, кто сам борется.

– Спасибо тебе, Ягиня, – слезы благодарности заливали мое лицо, очищая душу.

– Благодарить потом будешь. Не зря говорят – доброе слово и кошке приятно. Твоя благодарность добавит в мир свет,

а мне прибавит силы. Добро – усилие души, а для зла – достаточно просто пройти мимо, не задумываясь. Равнодушие – прилипчивая тьма, вниз тянет, в пропасть. Благодарность – неба зов, помогает хранить равновесие в мире, – улыбнулась старушка. Улыбка ее лучиками разбежалась по лицу, скрыла морщинки, выпрямила спину. И вот уже не пожилая женщина, а настоящая богиня стоит передо мной. Кика рогатая превратилась в полумесяц, освещая избушку серебристо-жемчужным светом.

Тени луны и отблески огня из печи пробегали по лицу возрожденной богини, изменяя его и создавая разные образы. Так облако, движется по диску луны, за мгновение – переделывает мир, чередуя местами тьму и свет. И сейчас Ягinya меняла лики – то молодая девица, то суровая воительница, то мудрая мать мира.

"Магия лунного света", – я всегда удивлялась тому, что в талисманах в едином кругу вместе изображали луну и солнце. Сейчас раскрылась для меня истинная сила соединения стихий.

– Нет абсолютного добра или зла, все смешено в этом мире. Мудрость и милосердие помогают распознать эти силы. А чтобы не забывать об этом, люди придумали обереги. Да, пожалуй, и тебе дам такой. Хуже не будет. В минуту сомнения возьми и сожми в ладони. Почувствуешь тепло – значит твой человек, холод – беги, не раздумывая. Все проблемы от долгих размышлений. Забываешь о том, что надо верить

своим инстинктам, подсказкам матушки-земли. Возьми лунный камень, твою защиту от напастей, – Ягиня вложила в мою ладонь амулет. Я мельком взглянула и не поняла – то ли большая жемчужина, то ли кусок серебристого металла.

Ягиня зажгла огарок свечи, огненной дорожкой обвела вокруг меня. Несмотря на маленький размер свечки, пламя все разрасталось, становясь сильнее, охватывая пространство. Исчезло все в очищающем огне.

Я проснулась на своей кровати. Невнятно бормотал телевизор, по экрану ползли титры.

"Фильм закончился, – здравая мысль привела в сознание, – присниться же такое. Больше никаких ужастиков на ночь, а то реально рванет крыша".

Вспомнила бред сна. С испугом схватилось за лицо, пытаюсь нащупать рану от ножа знахарки, оценить последствий. Ничего страшного не обнаружила, рот – как рот.

"Ух, значит, точно приснилось!" – облегчение сменилось внезапными спазмами в желудке. Почувствовала тошноту, рванула в туалет. Пошатываясь, наклонилась над унитазом. Черная жижа вырвалась наружу, оставляя привкус жгучей горечи желчи. Отдышалась, смыла. С отвращением вспомнила причину произошедших событий. Во сне? Или во время сна?

С трудом дошла до кровати. Легла, борясь с желанием закрыть глаза. Страшно заснуть. Ледящий холод пережитого ужаса притаился в подсознании. Потолок надо мной кру-

жится, раскачивая реальность. Тонкая грань между мирами.

Волну дремы нарушило пиликанье телефона. Взяла трясущимися руками, открыла сообщение в Ватсапе от любимого. Тупо смотрю на буквы, пытаюсь собрать в слова.

"Совсем забыла меня?" – в другое время я бы радовалась, предчувствуя счастье. Но не сейчас. Сжала в руках оберег от Ягини. Стало так горько, что даже слезы не помогли. Слезы печали не приносят облегчения.

Я подожду. Не хочу больше жить в надежде – собрать счастье из осколков прошлого. Не буду прятаться за бездушным чужих идеалов. Научусь различать морок и реальность. Я смогу полюбить себя настоящую.

Ничего не происходит случайно. Боль в подсознании притягивает видения. Нельзя бежать от воспоминаний, наполнять себя тоской. За гранью реальности не найти источник силы.

"Счастье и любовь живут в душе", – успокоилась, вздохнула с облегчением. Улыбаясь, закуталась в одеяло, создавая свой мирок уюта и покоя. Тепло навевало сон. Не в силах сражаться с окутывающей негой, сжала в ладони оберег.

"У меня теперь есть защита от напастей, и помощница, – лунный свет укачивал, – а вдруг нет?"

Подскочила на кровати, выпала из своего одеяльного гнездышка прямо в клубящееся марево.